Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Марина: Возвращение домой

Меня зовут Марина. Мне 35 лет, так что уместнее было бы «Марина Андреевна», но я никогда не любила формальностей. Сегодня я расскажу одну интересную историю, надеюсь, она вам понравится.
Так уж вышло, что я не замужем до сих пор. И это не потому, что я такая уж уродина. Напротив, многие считают, что я красива — той классической красотой, что была присуща женщинам в середине двадцатого века. Я высокая, с крутыми бедрами, густыми бровями, полными чувственными губами и большими карими глазами. Лицо мое с выраженными скулами и мягким круглым подбородком не похоже на личико куколки, но многие находят его интересным. Главным недостатком своего тела я всегда считала склонность к полноте, но природные данные и дисциплина позволили держать форму. В итоге меня сравнивают с Кристиной Хендрикс, говоря, что женщина должна уметь быть сексуальной, не превращаясь в тонкую веточку. Я достаточно стройна, чтобы не быть толстой, но достаточно крупна, чтобы изгибы тела приковывали к себе мужские, да и не только мужские взгляды. Грудь четвертого размера, думаю, тому способствует.
И вот, обладая всеми этими несомненными достоинствами, а вместе с ними и неплохой прибыльной работой в Москве, я дожила до 35 лет, не выйдя замуж и не нажив слишком уж много друзей. Меня подобный расклад не сильно печалил. В Москве лучше не заводить друзей. Однако настал тот день, когда пришлось возвращаться в родную провинцию. Городок в глубоком Подмосковье я старалась вытравить из памяти, ибо ничего интересного и приятного детство и юность после себя не оставили. И все же пришлось туда вернуться.
Старые улицы с потрескавшимся асфальтом и искрошенными бордюрами встретили солнечным днем ранней, еще теплой осени. Я въехала в город на «Шевроле Тахо», и подсознательно хотелось усмехнуться. Когда-то давно я уезжала на автобусе. Знакомые дороги, знакомые дома… Я добралась до родного района на окраине быстро, словно и не было всех тех лет, за которые город мог поменяться. Четыре хрущевки окружали бывший пустырь, на котором, словно церковь, стояла наша многоэтажка в окружении газонов и пары деревьев, уже начинавших желтеть. Соседские окна отразились в зеркале заднего вида солнечными зайчиками. Я завела машину во двор и пристроилась рядом с чьим-то «Нисаном».
Когда-то эту квартиру оставили нам с братом родители. Но сейчас они доживали свой век в деревне, в большом частном доме. А брат умер, совсем недавно, и теперь двухкомнатные хоромы принадлежали только мне. Надо было походить по нотариусам, уладить формальности. Потом я собиралась квартиру продать. Собственность в провинции мне ни к чему. Я даже на похороны не приехала. С родней я порвала в свое время так же решительно, как с самим городом. Может, поэтому я и осталась одна до сих пор…
Квартира оказалась умеренно чистой: покойный братец явно не закончил свои дни нищим алкоголиком. Я открыла замок своим ключом и обошла все комнаты. В последний раз я была здесь еще школьницей, но изменилось немногое: новый диван, новая плита на кухне, новое зеркало в прихожей. Что ж, все в хорошем состоянии. Легче будет продать. Распаковав чемодан, я отправилась в душ и освежилась. Предстояло ехать к нотариусу. Я выбрала широкий брючный костюм. Не люблю облегающую одежду, в ней всегда слишком выделяется то бюст, то моя пышная попа. И я выгляжу как девица со старых американских

пинап-картинок. У зеркала я накрасилась яркой красной помадой и улыбнулась отражению. Густые русые волосы, достигавшие лопаток, я завивать не стала, хотя обычно люблю делать классическую прическу. Сегодня было не до того, и я просто расчесала их. Результат понравился: эффектная и роскошная женщина в самом расцвете сил, глядящая на отражение лукаво и спокойно. Я контролировала свой мир. Пора было идти по делам.

Лифт спустил меня на землю, и на выходе из подъезда ждала первая неприятность.

— Да бля! — громко ругался средних лет мужичок в белой футболке, украшенной пятнами от пота под мышками и на боках. Он был невысок, толстоват и лысоват. Типичный провинциальный косорыл. Стоял мужичок аккурат между стареньким «Нисаном» и громадиной моего «Тахо». Только теперь я заметила, что, припарковавшись рядом, я заблокировала второй машине выезд, поскольку стояла она у самого края дворовой дорожки. Вот почему в Москве делают стоянки… — Что за пидор, блядь, свой танк тут поставил?!

— Успокойтесь, — холодно сказала я. Он тут же обернулся и уставился злыми глупыми глазами. — Это моя машина. Я сейчас отъеду.

Ответил мужичок не сразу. Было видно, что не кого-то вроде меня он ожидал увидеть. Так и чувствовалось, что он хочет нервно сглотнуть, глядя на мою фигуру, хоть и не подчеркнутую в деловом костюме, однако все же вполне очевидную. Но вот, наконец, природное хамство взяло верх.

— Отъедет она… — пробормотал он. — Зачем машину так ставить? Неужели не соображаете?!

— Да успокойтесь уже… — бросила я и шагнула к своей машине.

— Чо успокойтесь?! — тут же взвился мужичок. — Мне на работу надо ехать! Что за люди пошли!

— Орать не надо, — я не хотела устраивать сцен, но попытки кричать или иначе давить всегда выводили меня из себя. — Тоже мне, нашелся…

— Слышь, ты вообще кто? — налет вежливости быстро слетел с него. Кривя толстые губы, мужичок упер руки в бока и посмотрел на меня. Я ответила холодным сдержанным взглядом, и ему это явно не понравилось. — Тоже мне, приперлась краля.

— Не твое дело, быдло, — бросила я, открывая дверцу.

— Ах ты, сука… — выдохнул он. — А ну вали отсюда! Жопой она тут виляет!..

Дальнейшей тирады я не слышала. Заведя мотор, я сдала назад и проехала мимо покрасневшего и шлепающего мокрым ртом провинциала.

Поездка к нотариусу прошла на удивление быстро. Не пришлось ждать, документы были уже готовы, оставалось только прочитать и расписаться. Люблю эффективность. Квартира переходила в мою собственность после того, как подписанные документы будут переданы в госорганы. Оставалось дождаться ответа от чиновников — самая скучная и ненадежная часть. Но в целом все прошло отлично.

Нотариус, седоватый мужчина с интеллигентной бородкой, каждые пять секунд сладко улыбался и уверял, что все будет сделано на «отлично». Я поощрительно улыбалась в ответ. Неплохое начало деловой поездки.

На обратном пути я заехала в магазин, купила продукты на ужин и направилась домой. Да. Теперь это действительно был мой дом… на какое-то время. Я надеялась, что не слишком надолго. Город уже начал пропитывать все своим провинциальным запахом: одежду, сиденье, даже меня саму. Я терпеть не могла возвращаться сюда. А уж люди… вспомнился корявый хам с «Нисаном». Надо поскорее уезжать.

В этот самый момент я услышала треск, исходивший из колонок. Что такое? Рука дернулась к панели магнитолы, но та была выключена. Треск, однако, становился все громче, и я притормозила у обочины.
— Ну... — невольно я надула губы, сердясь. — Начинается... только из сервиса же, что еще за проблемы?
Вдруг на фоне треска прозвучал ужасный, оглушительный писк. Как будто кто-то нажал кнопку и включил самый отвратительный звук на Земле. Я поморщилась и зажала ладонями уши, но писк не заглох. Он стал сильнее, и в висках застучала кровь. Голова разболелась, глаза заслезились, я потянулась к дверце, чтобы выйти наружу.
— Стоп, — я не сразу поняла, что с треском и механическим писком сливается голос. Странно знакомый голос.
— Да что за черт, — прошипела я. — радио с ума сошло, что ли?
— Это не радио, Мариш, — произнес тот же голос, и писк вдруг сделался тише. — Это я.
Меня как будто ударили под дых. Пальцы на ручке двери разжались, я посмотрела на мертвую магнитолу, оглянулась на динамики за задним сиденьем.
— Вадик?
Голос принадлежал моему мертвому брату.
— Я, Мариш, я, — теперь писка почти не было, только треск, сопровождавший каждое слово.
— Но ты же... — я не верила, что это говорю. — Ты же умер.
— А ты и рада? — скрежещущий смешок показался очень холодным, как будто смеялся робот.
— Нет, ты что... — я не знала, что сказать. Я сидела в машине и разговаривала с бестелесным покойником. — Но ты же, серьезно... мертвый!
— Всегда ты была туповатой, Маришка, — в голосе послышалась злость. — Красивой, но тупой. И наглой. Бросила нас и уехала в Москву.
— Вадик... — несмотря на утихший писк, у меня разболелась голова. Как будто странные звуки забрались прямо в мозг. — Ты чего? Зачем это все? Что происходит, ты где?
— Некогда, Маришка, некогда, — он снова издал тяжелый смешок. — Я просто решил поздороваться и предупредить.
— Что? — я принялась массировать виски пальцами. Голова болела все сильнее.
— Теперь, Маришка, ты не контролируешь ничего. Теперь я с тобой поиграю.
— Что за ерунда? — я закрыла глаза, пытаясь унять тамтамы в черепе. — Я брежу...
— Скоро все узнаешь, — пообещал мертвый Вадим. — И поплатишься за все.
В ту же секунду прекратился и треск, и писк. Но осталась боль. Я открыла глаза и пару раз моргнула. Мимо по улице проносились машины, по тротуару спешили прохожие. Стандартная хрущевка смотрела бельмами окон.
Боже мой... галлюцинации? Я что, сошла с ума? В зеркале заднего вида удалось разглядеть испуганные глаза. Радио было выключено. Все это послышалось?
— Ну ты даешь, Марина Андреевна... — прошептала я. — Ну ты даешь...
Неужели я, незаметно для себя и подсознательно, перенервничала из-за возвращения в дом покойного брата? И дошло до слуховых глюков... Могло быть и такое. Только что за бред мне послышался? «Ты не контролируешь ничего... поиграю... поплатишься... « Брат и впрямь не слишком тепло отзывался обо мне после того, как я порвала с семьей. Чувство вины довело меня до нервного расстройства? Да нет, я никогда не чувствовала себя виноватой.
Боль в голове мешала думать. Надо было сделать передышку. Доехать до дома, принять

таблеток, полежать и, может быть, вызвать врача. Успокоить бешено стучащее сердце и стряхнуть с себя внезапно нахлынувший страх. Я повела «Тахо» медленно, опасаясь, как бы вдруг меня не дернуло. Голова все болела и болела.
Когда я добралась до двора, уже вечерело, солнце уже ласкало горизонт, но до настоящего заката было еще далеко. Головная боль стала совершенно невыносимой, глаза слезились, и я неловко въехала на дворовую дорожку. Впереди маячил все тот же «Нисан». Я неловко развернулась и припарковалась рядом с ним напротив подъезда.
Тут боль и сделала свое дело. За мгновение до полного торможения я услышала хруст. Легкий удар, и «Нисан» завизжал сигнализацией. Я ухитрилась впечатать бампер «Тахо» прямо в задницу чужой машине. Черт!
Я вяло выбралась из салона и посмотрела на место удара. Ничего серьезного, легкая вмятина. Но истеричный визг сигнализации ничем не помогал. Уши слегка заложило, я провела ладонью по лицу.
— Не было печали...
Минуту спустя, пока я, держась за крышу «Тахо», пыталась унять разболевшуюся голову, из подъезда выскочил давешний мужичок. Увидев меня и мою машину, он мгновенно побагровел.
— Бля-а-а-адь! — выдохнул он. — Опять ты?!
У этого типа явно были проблемы с головой, и не помешало бы попить транквилизаторов. Именно от таких уродов я сбежала подальше.
— Начинается... — я почти сплюнула.
— Ты еще и машину мне побила, тварь?! — он почти орал. К счастью, во дворе никого не было, да и вообще в округе царила привычная тишина спального района. — Да что за хуйня?!
— Не ори... — бросила я, снова разминая виски. В ушах снова начало пищать. Не дай бог, опять голоса послышатся.
— Ты мне еще тут пиздеть будешь! — рявкнул мужчиок и нагнулся, разглядывая ущерб «Нисану». — Сука, все помяла!
— Ничего не все, — я болезненно морщилась. Уши словно пронзила раскаленная игла, настолько сильным стал писк. — Хватит психовать.
Он запыхтел, словно готовый к корриде бык.
— Да ты охуела, — процедил мужичонка, подступая ко мне. — Вадимова сестра, да? Приперлась тут из Москвы и выебываешься!
— Ты без мата вообще не разговариваешь? — пробормотала я. Надо было поскорее избавиться от этого быдла и выпить таблеток...
«Вот сейчас я с тобой и с ним поиграю!» — проскрежетал голос брата, и тут же писк в ушах взорвался красной вспышкой боли, застлавшей глаза. Все тело сковал странный холод, тут же исчезнувший. Язык одеревенел. Но разъяренный мужичок, впрочем, ничего не заметил.
— А ты не выебывайся, еще раз повторяю! — заявил он. — Приехала на джипе, думаешь, перед тобой теперь все стелиться будут?! Мало ли, чего ты там в Москве насосала! Соседи тебя помнят, манда с ушами!
Я хотела что-то сказать, но сразу же забыла что. Губы не слушались, руки сами собой уперлись в бока. Я выпрямилась и гордо посмотрела на него. Чужие слова прозвучали сами собой, и я не сразу поняла, что говорю их:
— Может, и манда, да не про твою честь, быдлан. Чего выделываешься, недотрах замучил?

Такого он явно не ожидал, как и я сама. Ноздри у мужичка раздулись, губы злобно скривились.
— Ты вообще берега потеряла, я смотрю. Приперлась квартиру брата захапать, машины людям бьешь, да еще и борзеешь. Ты мне вообще денег должна теперь!
— Не дождешься, — я презрительно фыркнула, все еще чувствуя, что это делает за меня кто-то другой. — На всякое дерьмо денег не хватит.
— Не хватит, так заработай! — он делался все краснее и краснее, злое лицо стало почти свекольным. По виску пробежала капля пота. Это тоже было ненормально. Я смотрела и больше ничего не могла сделать. — Покрути своей жопой!
— Чего ты привязался к моей жопе? — сорвались с губ слова, и тут же на лице помимо моей воли появилась усмешка.
— Да потому что ты этой жопой думаешь, судя по тому, как ездишь! — он придвинулся ближе, и я почувствовала едкий запах пота. — Надрать тебе надо твою жопу! Или выебать как следует!
— Уж не ты ли ебать будешь? — с моих губ не сходила отвратительная усмешка. Я пыталась заставить себя замолчать, но ничего не получалось. В ушах все еще стояло эхо жуткого писка.
— Боров потный!
Он ответил не сразу, и я вдруг заметила, как бьется вена у него на виске. Мужичок снова шагнул вперед, и я поразилась, каким дерганым, неестественным выглядело это движение. Черт, голос же сказал «с тобой и с ним»! С этим типом тоже что-то не то! Он только что был просто рассерженным быдлом, а сейчас превратился в ненормального! Нормальные люди так не разговаривают... не так, как мы оба!
— А ты типа сомневаешься? — надтреснуто прорычал он. — Прошмандовка московская!
— Может, тебе еще за машину натурой рассчитаться? — я встала спиной к дверце своего «Тахо», и он придвинулся совсем близко. Противный запах мужского пота чуть не заставил меня сплюнуть, но губы опять не слушались.
— А вот рассчитайся! — последние слова прозвучали как булькающий шепот.
— Размечтался, жирдяй... — мой голос казался до тошноты игривым.
— Добазаришься щас... — он снова зарычал. — Учить вас надо, блядей...
— Ну, научи...
Пощечина прилетела незаметно, хотя руку он поднимал все так же неестественно. Мужичок просто резко дернулся, и мою щеку обожгло болью. Удар был несильный и скорее обидный, даже след вряд ли останется. Рука машинально взметнулась к щеке. Он стоял и смотрел на меня совершенно безумными от ярости и похоти глазами. О нет... нет!
— Да... — сказали мои губы. — Вот так, скотина...
Он придвинулся совсем вплотную, прижимаясь брюхом под той же мятой футболкой. Что и утром. Потная пятерня вцепилась в мои роскошные волосы и оттянула назад. Ростом я была выше его на полголовы, и мужичок заставил меня наклониться вбок. Легкий толчок заставил вжаться спиной в дверцу, а в следующий миг его мокрые противные губы коснулись моих. Влажный язык проник в рот и сплелся с моим, назло моей собственной воле ответившим. Мы принялись сосаться с незнакомцем, пока его руки ощупывали мою грудь под пиджаком, потом сжались на попе.
Я хотела оттолкнуть его, заорать благим матом, но издавала только до омерзения сладострастный стон, позволяя лапать себя. Между ног стало тепло и влажно. О нет, нет, нет!

— Гладкая, сука... — прохрипел он, прервав поцелуй.
— Вонючка... — ответила я, почти сама.
— Тварь... — он снова рассвирепел и дернул меня за волосы. — А ну, пошли. Я тя поучу... у меня жена с детьми на даче! Никуда не денешься!
— Веди, паскуда... — криво улыбнулась я.
Не отпуская волос, он зашагал к подъезду. Шипя от боли, я поплелась за ним. Каким-то чудом нам удалось никого не встретить по дороге к лифту. Тусклая ламп а под потолком коридора, старая краска на стенах — вот все, что я запомнила. Мы поднялись на лифте, потом щелкнул замок двери... он толкнул меня в прихожую и запер вход на замок. Я успела разглядеть фотографии мальчика и девочки лет десяти в рамке у широкого зеркала. В самом зеркале отразилась я, тяжело дышащая, раскрасневшаяся. Еще полчаса назад я бы не поверила, что буду так растеряна. Еще час назад я бы скорее побежала прочь, чем согласилась зайти в пошлую мещанскую прихожую с кичливыми обоями и дешевой мебелью. Я бы проблевалась от одной мысли о поцелуе с кем-то вроде него.
Но вот в зеркале отразился багровый от возбуждения и чудовищной злой мужичок. Он подошел сзади и обхватил меня руками. Грубые пальцы принялись мять грудь сквозь одежду. Я стояла, не шевелясь, неспособная сделать ровным счетом ничего. До чего все это было отвратительно, до чего кошмарно! Но я просто стояла, позволяя лапать себя, и только игриво закусила губу. Он заметил этот жест.
— Хороши дойки... — в спину что-то уперлось. — Ну-ка, шалава московская, потрогай его. Чувствуешь?
— Чувствую, мразота... — сладострастно прошептала я, ужасаясь себе. Моя рука скользнула за спину и вслепую нащупала плебейские шорты, в которых он выскочил на улицу. Оттянув резинку, я запустила руку под эти шорты и под трусы. Пальчики наткнулись на горячую плоть, окруженную волосами. В паху он явно не брил. Я обхватила напряженный член рукой и принялась водить ей туда-сюда. Он довольно заурчал.
— Пошла! — новый рывок за волосы, и я засеменила в сторону жилой комнаты. Он пихнул меня в спину, и туфли на каблуках позорно подвели. На самом пороге я оступилась и упала. Удалось затормозить руками о пушистый мягкий ковер. Я подняла голову. Гостиная. Телевизор, ноутбук на низком столике, шкаф-стенка... широкий кожаный диван. Неужели все случится на нем? Пожалуйста, остановите это!
— Падаешь, сука! — он вошел следом, и я, оглянувшись, с ужасом увидела в его руках кожаный брючный ремень. — Учить тебя надо!
— Давай... — простонала я, внутренне вопя. — Поучи меня.
И, словно играясь, изогнула спину, оттопырив свою и без того пышную задницу. Он поднял руку, и ремень обрушился на мою попку, обжигая невидимым огнем. Я громко выдохнула, на глазах выступили слезы. Боже мой, меня пороли! Меня пороли словно маленькую девочку! Или... или извращенку! И от этой мерзости между ног становилось горячее!
— На, мажорка ебаная! — он ударил снова, и боль накатила горячей волной. Я застонала громче. Он замахнулся еще раз. И еще. И еще. Удары спались не только на едва защищенную одеждой попку, но и на бока. На спину. Мне было больно, я чувствовала невероятное унижение, но не могла и слова сказать против. Только стонала и подвывала, как шлюха.
— О да! — сорвались с губ чужие слова. — Еще! Давай, пидорас жирный!
— Ах, сука!... — рыкнул он и отбросил ремень. Схватив за волосы, мужичок заставил меня

подняться. — Вставай. Тварина, встать!
Я послушно поднялась, вся красная и громко, тяжело дышащая. Видок у меня явно был крайне соблазнительный, потому что бугор в его шортах и не думал ослабевать. Он отвесил мне еще одну пощечину, такую же легкую.
— Раздевайся, сука!
Непослушные руки тут же принялись расстегивать пуговицы пиджака и блузки. Внутренне крича, я сбросила верх, оставаясь в черном кружевном лифчике и брюках. Повозившись с застежкой, я расстегнула и брюки, потом спустила вниз, наклоняясь. Глядя на мою грудь, он охнул и нетерпеливо топнул ногой. Чтобы снять брюки, пришлось расстегнуть ремешок туфель, и я от них я тоже избавилась.
Вот я осталась в одном белье.
— Снимай! — приказал он и принялся стаскивать пропотевшую футболку. Я послушно расстегнула лифчик и стянула с плеч бретельки. Следом пришел черед трусиков, и он велел повернуться. Когда я снимала их, мужичок застонал, разглядывая мою раскрасневшуюся от ударов попку, спасенную одеждой от красных отметин, но теперь совершенно беззащитную. Наконец, я осталась полностью обнаженной. Он стоял рядом в шортах, светя обвисшим пивным животом и неприятной волосатой грудью. Мне было бы противно даже дотрагиваться до такого мужчины. Но воспротивиться не было никакой возможности.
— На колени! — велел он, и я повиновалась. — Снимай с меня шорты. Зубами, сука!
И я послушно опустилась на колени, подползла к нему и вцепилась белоснежными зубками в резинку на грязных шортах. Хотелось реветь от обиды и унижения, но я просто потянула их вниз, обнажая волосатые ноги с жирными ляжками. Шорты поддавались плохо, однако удалось стянуть их до колен, после чего я вопросительно посмотрела снизу на мужичка.
— Трусы, — скомандовал он. Обвисший живот мешал, и я уцепилась за резинку его трусов сбоку. Их тянуть было еще сложнее. Господи, видел бы меня сейчас кто-нибудь! Голая роскошная баба так обслуживает какого-то увальня!
Мужик схватил меня за плечо и заставил выпрямиться. Теперь он стоял с полуспущенными трусами, и я смогла разглядеть волосатую мошонку. О нет, какой кошмар... Меня замутило. Стали заметны легкие опрелости. Он еще и мыться не любил! Грязный жирный урод! Нет, я не хочу!
Член смотрел мне в лицо.
— Поцелуй его! — велел мужик. Если бы я могла свернуть себе шею усилием воли, свернула бы. Но нет, я послушно подалась вперед, и мои чудесные пухлые губки, моя гордость, коснулись вонючей залупы. Я чмокнула его член как подругу в щечку. Он сладостно ахнул. — Хороша, сучка. Ну, говори, хочешь моего хуя?!
— Хочу... — хрипло, с желанием в голосе произнесла я. — Он такой вкусный...
— Проси, — велел он.
— Пожа-а-алуйста... — я выпрямилась и взяла руками свои груди, приподнимая их и демонстрируя. Благо, было что демонстрировать. — Я хочу поцеловать твой чудесный хуй, скотина. Чтобы ты наказал меня им. Я хочу покрутить на нем своей жопой. Ты ведь хочешь мою сладкую жопку?
— Я тебя всю хочу, шалава наглая! — он судорожно спускал трусы с шортами до конца.
— Я вся твоя... — я ущипнула себя за соски, внутренне матерясь, как портовый грузчик.
— Давай, — он встал передо мной, совсем теперь голый. — Пососи мне, стерва губастенькая.

Я тут же подползла к нему и, стоя на коленях, коснулась члена. Тот был вонючим, обрамленным курчавыми черными волосами горячим и не слишком большим. Я высунула язык и лизнула головку, заставив его охнуть. Коснулась залупы губами, погладила яйца рукой. Потом. Наконец, я обхватила головку губами и принялась медленно посасывать. Он запрокинул голову и положил руку мне на макушку, сгребая волосы между пальцами. Я приняла член чуть поглубже и все так же медленно сосала его. Мои губы скользили по горячей плоти, мой язык давил снизу, делая ощущения острее. Я двигала головой вверх-вниз, взад-вперед, с каждым разом заглатывая больше. Вот я уже по-настоящему сосала этот мерзкий вонючий хуй. Такой, как он, не мог и мечтать о минете от такой, как я, но это происходило! Меня воротило от его запаха, от его вида, но я послушно и исполнительно сосала.
— О-от та-ак... — рычал он. — Соси, шлюха жопастая! Пользуй свой блядский рот по назначению, а-ах... меньше будешь возбухать.
.. Соси, девочка моя, соси, дрянь такая... мне даже жена так не отсасывала...
Вдруг он дернул меня за волосы, и я едва не клацнула зубами. К счастью, обошлось, и я просто вынула член изо рта и посмотрела на него снизу вверх.
— Нравится, блядь московская?
— О да... — простонала я. — Накажи меня, сладкий!
Он шагнул к дивану и потащил за собой. Я проследовала за ним на четвереньках. Он плюхнулся на сиденье и расставил ноги.
— Как зовут? — спросил мужик.
— Марина, — ответила я, и губы предательски дрожали. То ли мне удавалось передать свое реальное отчаяние, то ли тело предвкушало дальнейшие измывательства.
— Ну-ка, Марина-блядина, оближи мои яйца.
И тут я не перечила. Наклонившись, я взяла рукой напряженный член и, поглаживая, отогнула вверх. Тяжелые волосатые яйца казались отвратительными. Но я сказала:
— Какие сочные...
— Давай-давай, — велел он. Я высунула розовый язычок и провела им по яйцам, вызвав одобрительное урчание. Пришлось ткнуться лицом прямо в его волосатую прелую мошонку, но я вновь облизала их, набухшие, горячие, чуть солоноватые. Я вылизывала его яйца, нюхая пот и выделения, а мужик повторял, словно в бреду: — Давай, тварь, давай... будешь знать, как дерзить. Будешь знать, как машины бить... Соси их! На меня смотри!
Я послушно взяла в рот одно яйцо и принялась осторожно посасывать, глядя снизу на его красное полубезумное лицо. Уверена, даже если с ним случилось то же, что со мной, даже если он потерял контроль, то сейчас получал удовольствие. Я принялась за второе яйцо, потом за оба сразу. Он блаженствовал, держа меня за волосы.
— Вот так... — он сглотнул. — Нравится?
Я не сразу отдышалась, когда разрешили остановиться. Тяжело сглатывая, я пробормотала.
— Ты такой вкусный, зайчик...
Большего вранья я не говорила ни разу в жизни. Стоя на коленях, закусив губу, с прикрытыми глазами и растрепанными волосами, совсем голая, я сейчас выглядела, пожалуй, мечтой любого самца. А повелевало мной... это.
— Вкусный? — он сипло рассмеялся. — Ну, тогда попробуй все на вкус. Лижи мне очко, сука!
Он шире расставил ноги и задрал их, неловко устраиваясь на диване. Волосатая задница

приподнялась. Нет! НЕТ!!! Все что угодно, но только не это! Мне хотелось биться в истерике. Я никогда, никогда такого не делала по своей воле! Я не прикоснусь к его заднице...
— Сейчас я пощекочу тебя язычком, сладкий... — выдохнула я и, встав на четвереньки, придвинулась ближе. Его зад вонял смесью пота, опрелостей и чего-то, о чем думать не хотелось. Я тронула его волосатые ягодицы, раздвинула их. Кольцо сфинктера было узким, коричневым. Я подалась вперед, глуша рвотный рефлекс. Язык скользнул между его булками, коснулся туго сжатой плоти.
— О-о-ох... — простонал мужик. — Вот так, Мариночка, сучка, лижи мою жопу!
И я лизала, водя языком во все стороны, пытаясь запустить его глубже. Сфинктер чуть расслабился, и я попыталась, насколько смогла, просунуть язык дальше. Я облизала внутреннюю поверхность его ягодиц, я поцеловала их, вызвав одобрительный вздох.
— Молодец, жополизка московская...
Наконец, сеанс унижения закончился... отчасти. Он велел мне отстраниться и опустил ноги на пол. Я снова стояла на коленях, послушно ожидая продолжения.
— Ну что, Маринка, понравилось тебе моя жопа?
— Да... понравилась, зайчик.
— Ну, тогда пришла очередь твоей жопы. Становись раком!
Руки все-таки задрожали, когда я послушно встала на четвереньки прямо на ковре посреди комнаты. Он обошел меня, надрачивая член, посмотрел на отвисшие крупные груди, на маняще выставленный зад, на мой вопрошающий взгляд.
— Драли тебя в очко, сука? — спросил он.
— Да... — тихо ответила я.
— Еще бы! — он шагнул куда-то в сторону. — Такую роскошную жопу грех не распечатать...
Когда мужик вернулся, в его руке был тюбик с каким-то кремом.
— Намажь меня, — он протянул тюбик мне. — Для себя старайся.
Я послушно выдавила крем и принялась намазывать его на напряженный мокрый член. Мой мучитель стоял и сладостно стонал, когда я невольно ласкала его руками. Наконец, все было готово. Он обошел меня сзади и опустился на колени.
— Хочешь в очко, Маришка? — вопрос прозвучал почти ласково.
— Хочу! — ужасаясь себе, простонала я. — Вставь свой хуй в мой сладкий попец!
— Как ска-а-ажешь, у-ух... — он принялся водить член в мою задницу. Хоть прибор его и не был таким уж крупным, я почувствовала все до последней капли. Словно раскаленная кочерга вдруг оказалась в попке. Руки подогнулись, и я упала лицом в ковер. Боль пульсировала внутри, отдаваясь внизу живота пошлым, невозможным сладострастным томлением. Мне не могло это нравиться, но тело и тут не слушалось. Лежа лицом вниз, я ощутила, как он задвигался. Раскаленный поршень заходил внутри. Ему было хорошо. А я только дрожала, не смея двинуться с места, и подмахивая попкой.
Он громко пыхтел, трахая меня, и резко неуклюже двигался. Я тяжело дышала и при каждом толчке, загонявшем член глубже, вскрикивала с пошлой похотливостью. Мужские пальцы жадно сжимали мои пышные ягодицы. Боль и унижения слились в слаженно работающий механизм анального изнасилования. Я не сразу расслышала, что он бормочет:
— Нравится, сука, нравится?... Получай в свою сахарную жопу... таких, как ты, надо ебать... шмара московская...
Хотелось до крови закусить губу, чтобы унять боль и ужас, что царили сейчас в моей голове.

Но ставшее чужим тело снова все сделало еще хуже.
— А-а-ах, да, еби меня, сладкий, еби!
— Тварь... — рычал он, двигаясь все быстрее, все хаотичней, словно бился в припадке. — Я тебя захотел, еще когда увидел днем! Чистенькая, ухоженная, жопой туда-сюда! И вот я ебу тебя в эту жопу, нравится?!
— О да-а-а... — стонала я, словно актриса в порнухе. — Мне так больно! Так хорошо!..
Внезапно насильник замер, и я замерла вместе с ним. В ушах опять запищало, и на мгновение появилась надежда, что я снова обрету контроль над собственным телом. Но нет, кошмар продолжался. Он отодвинулся, и я с облегчением ощутила, как член выходит из попки.
— На спину, сука! — была команда, и я, как машина, перекатилась на спину. Теперь я лежала на ковре, раскинувшись перед красным, потным мужиком с напряженным членом, смотревшим мне в живот. — Проси, чтоб я тебя выебал в пизду!
— Давай, сладкий... — простонала я. — Вставь мне как следует! Научи меня, что такое настоящий мужик!
И вот он, бешено хрипя, навалился сверху, раздвигая мне ноги. Потная рожа нависла сверху, тело придавил его волосатый живот. Мои нежные бедра почувствовали, как их грубо хватают мужские руки. Рот раскрылся в беззвучном крике, когда он вошел в меня, предательски мокрую и готовую.
— У-у-у-ух! — простонал насильник и начал двигаться. Член заходил во мне, горячий, мокрый, заставляющий ужасное и противное томление внизу распаляться все сильнее. Потная туша дергалась, елозила сверху, а я лежала и смотрела на отвратительного мужика, которого еще утром не подпустила бы к себе. При этом тело издавало похотливые стоны, руки сами собой потянулись и обняли его за плечи, оставляя царапины на спине, когда особо резкое движение загоняло член глубже.
Так он и достиг апогея: трахая податливую, на все согласную меня. Шикарная Марина лежала перед незнакомцем, раскинув ножки и впуская в себя немытый член, и при этом прижималась к невзрачному мужичку всем телом, шепча несусветно глупые пошлости.
— Я вся твоя, вся твоя. Сладкий... еби меня, как хочешь, когда хочешь!..
Наконец, он застонал и резко вышел из моей киски. Я поняла, что дрожу, когда он встал на колени и плюхнул член мне на грудь.
— Заставь меня кончить! — выл мужик. — Отдрочи мне своими роскошными сиськами!
Я уже прижалась к горячему поршню грудями, сжала их ладонями и изогнула спину. Он тут же принялся двигать тазом, трахая еще и мои чудесные «дойки», как сам сказал. На несколько минут мы замолкли, и только тяжелое дыхание выдавало взаимное возбуждение двух тел. Мужичок продержался недолго. Ласкаемый грудью, он вдруг выпрямился и широко открыл рот. Напряженный член покинул ложбинку между грудями, и тут же прямо мне в лицо брызнула сперма. Горячая и вязкая, она попала на щеки, в едва успевшие закрыться глаза. В тот же миг мужик захрипел и начал сползать с меня. Машинально я поднесла руку к лицу, чтобы стряхнуть сперму, и та послушалась.
— Ой... — произнесла я секунду спустя, когда пришло понимание. — Ой...
Я снова владела собственным телом. Неужто оргазм насильника освободил его жертву?!
Я резко села и посмотрела на упавшего набок мужичка. Глаза его были широко раскрыты, рот раззявлен. Мой насильник тяжело дышал и смотрел в пустоту. Изо рта на мягкий ковер стекала тонкая струйка слюны.

«Умирает, что ли?!» — метнулась испуганная мысль. Я неловко поднялась на ноги. Контроль над телом и впрямь вернулся. Поискав тряпку, я вытерла лицо его футболкой. Мужичок все так же лежал, громко, но ровно дыша. Казалось, он просто спит с открытыми глазами. Первой мыслью было попытаться помочь, может быть, позвонить в «скорую». Но тут я вспомнила, что стою посреди чужой квартиры абсолютно голая... и поиметая во все дырки.
«К черту!» — подумала я, натягивая сброшенную недавно одежду. Надо было просто убираться отсюда. Ключи оказались в замке...

Продолжение следует?
Пишите мне =)